

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.9>

UDC 94“04/14”:929.651

LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 15.06.2023

Accepted: 18.09.2023

PRINCESS OLGA AND CONSTANTINOPLE: WANDERING PLOTS AND CHANGEABLE INSCRIPTIONS ¹

Andrey Yu. Vinogradov

HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The author proposes a new reconstruction of two episodes concerning Princess Olga in the chronicles and Prolog, which allows to clarify the overall picture of the development of the pre-Mongol legend about the baptism of Olga and her trip to Constantinople. *Analysis.* In the early chronicles, two layers of narrative about Olga’s trip to Constantinople are clearly distinguishable. The original story contained only the relationship between Olga and Emperor Ioannes Tzimiskes: the author had a good knowledge of the realities of Byzantine politics in the 960s, probably from the Byzantine chronicles. However, the story itself is too fictionalized, and its author, who inscribes Olga’s trip in 946 and her baptism in a completely different chronological frame – the turn of the 960–970s, had to work in the 1060s – early 1070s imitating stories about a wise pagan princess from an older chronicle. Probably, in the “Initial Compilation” this ‘secular’ story was ‘Christianized, but not quite harmoniously. In this form, the story of Olga’s trip and baptism was included in the “Tale of Bygone Years”, but in its recension the “unhistorical” Ioannes Tzimiskes was replaced – probably on the basis of Byzantine chronicles – by the ‘historical’ Constantine VII. However, the chronicles of the late 11th – early 12th century do not know Olga’s cross, which, according to the Prolog, stood in the 1160s in the altar of St. Sofia of Kiev. It was either a “fixation” of the historical memory of the first baptist of Rus’, or a contribution of a 12th century princess with the same name (e.g., of the daughter of Yuri Dolgorukiy and a Byzantine princess). The author of the Prolog combined excerpts from the “Tale of Bygone Years” with the story of Olga’s cross, also “historicizing” the patriarch, who became now Photios, and creating the basis for the entire further hagiographic tradition of the princess.

Key words: Princess Olga, Constantinople, “Tale of Bygone Years”, Prolog, epigraphy.

Citation. Vinogradov A. Yu. Princess Olga and Constantinople: Wandering Plots and Changeable Inscriptions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 92-103. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.9>

УДК 94“04/14”:929.651

ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 15.06.2023

Дата принятия статьи: 18.09.2023

КНЯГИНЯ ОЛЬГА И КОНСТАНТИНОПОЛЬ: БРОДЯЧИЕ СЮЖЕТЫ И ИЗМЕНЧИВЫЕ НАДПИСИ ¹

Андрей Юрьевич Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье предлагается новая реконструкция двух эпизодов из рассказов о крещении княгини Ольги в летописях и Прологе, которая позволяет уточнить общую картину развития домонгольского предания о ее крещении и поездке в Царьград. В ранних летописных известиях о поездке Ольги в Константинополь ясно выделяются два слоя. Первоначальный рассказ описывал только взаимоотношения княгини и императора Иоанна Цимисхия: его автора отличает хорошее знание реалий византийской политики 960-х гг., которые он мог почерпнуть из византийских хроник. Однако сам рассказ слишком беллетризован, а его автор, вписывающий поездку Ольги в 946 г. и ее крещение в совершенно иную хронологическую рамку – рубеж 960–970-х гг., должен был работать в 1060-х – начале 1070-х гг. и имитировал истории о мудрой княгине-язычнице из более древнего летописания. Вероятно, в «Начальном своде» этот «светский» рассказ был «христианизирован», причем не вполне гармонично. В таком виде рассказ о поездке и крещении Ольги

вошел в «Повесть временных лет», однако при ее редактировании «неисторичный» Иоанн Цимисхий был заменен – вероятно, при помощи византийских хроник – на «историчного» Константина VII. Однако летописи конца XI – начала XII в. не знают креста Ольги, который, согласно Прологу, стоял в 1160-х гг. в алтаре Св. Софии Киевской. Это была либо «фиксация» исторической памяти о первой крестительнице Руси, либо вклад одноименной княгини XII в. (например, дочери Юрия Долгорукого и, вероятно, византийской принцессы). Автор Пролога соединил выдержки из летописного рассказа с упоминанием креста Ольги, а также «историзовал» патриарха, ставшего под его пером Фотием, создав таким образом основу всей дальнейшей агиографической традиции княгини.

Ключевые слова: княгиня Ольга, Константинополь, Повесть временных лет, Пролог, эпиграфика.

Цитирование. Виноградов А. Ю. Княгиня Ольга и Константинополь: бродячие сюжеты и изменчивые надписи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 92–103. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.9>

Введение. Сюжеты, связанные с княгиней Ольгой, женой Игоря Рюриковича и матерью Святослава Игоревича, – несомненно, одни из самых изучаемых в истории домонгольской Руси. Сравнительно небольшое количество данных древнерусских, византийских и германских источников многократно было проанализировано и проинтерпретировано множеством исследователей, предлагавших различные, порой совершенно противоположные реконструкции эпизодов ее жизни (библиографию см. в [17]).

Методы. Однако, как кажется, даже имеющиеся в нашем распоряжении тексты дают, при внимательном рассмотрении, возможность предложить новые интерпретации – не столько самих событий жизни Ольги, сколько сложения древнерусской традиции о ней. Настоящая работа будет посвящена эволюции домонгольского предания о поездке княгини в Константинополь и ее крещении там.

Анализ. 1. *Хронология поездки.* О поездке и/или крещении Ольги упоминается в древнерусских, византийских и германских источниках. Древнейшие русские летописи, списки обеих редакций «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) 1110-х гг. и новгородские летописи (Новгородская I летопись младшего извода (далее – НЛМл) и др.), восходящие к «Начальному своду» (далее – НС) 1090-х гг. (см.: [27, р. 100–111]), помещают один и тот же рассказ о поездке Ольги в Царьград и ответном посольстве императора в Киев под 6463 (955/6) г. [19, т. 1, стб. 60–63; т. 2, стб. 49–51; т. 3, с. 113–117] (в Первой выборке Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК1) и Новгородской IV летописи (далее – НIVЛ) – под 6466 (958/9) г. [19, т. 4, с. 41; т. 42, с. 37]). Уже давно было отмечено,

но, что этот рассказ оказался размещен точно посередине шестнадцатилетнего отрезка пустых лет, что ставит данную датировку под сомнение; а, кроме того, русские летописи демонстрируют разноречивость в имени императора, при котором имели место эти события (подробнее см. ниже).

В византийском трактате «О церемониях» (кн. II, гл. 15) упомянуты два приема Ольги императором Константином VII: в среду 9 сентября и в воскресенье 18 октября, – такое соединение дат в правление этого василевса имело место в 946 и 957 годах. В долгой полемике между сторонниками обеих дат ключевой на данный момент представляется аргументация двух последних работ. Б. Флюзен [26] убедительно обосновал создание основной части трактата «О церемониях», куда входит и описание визита Ольги 946–947 годов. П.В. Кузенков [11], дезавуировав последний сильный аргумент сторонников датировки визита 957 г. – мнимое присутствие на приеме детей Романа II (не родившихся, впрочем, и к этому году), показал, что визит Ольги в трактате «О церемониях» относится все же к 946 г. и близок по времени к дате визита и крещения Ольги у Иоанна Скилицы (Обозрение истории, гл. 11, параграф 6), который помещает их между двумя точно датированными событиями: заговором в пользу Стефана Лакапина (декабрь 947 г.) и смертью Берты-Евдокии (949 г.).

Последний аргумент исследователя можно развить. Скилица сообщает, что Эльга прибыла в Константинополь *τοῦ ἀνδρὸς αὐτοῦ ἀποθανόντος*, что обычно переводят во временном значении («когда умер ее муж»). Однако конструкция *gen. abs.* может иметь не только временное, но и причинное значение и переводится здесь как «потому что умер

ее муж». Действительно, точно такое же двойное, причинно-временное значение *gen. abs.* имеет и в следующем за этим известии о смерти невесты Романа II: τῆς δὲ τῷ Ῥωμανῷ νυμφευθείσης κόρης τῆς Οὐγῶνος παιδὸς ἀποθανούσης («когда/поскольку просватанная за Романа девица, дочь Угона, умерла») [28, р. 240]. В таком случае оказывается, что Ольга приехала в Константинополь не только после смерти Игоря (который, согласно летописям, умер в 945/6 г.), но как раз-таки из-за нее (очевидно, для возобновления договора между Русью и империей).

Наконец, согласно германским хроникам, восходящим к «Продолжению Регинона Прюмского», послы Ольги к германскому императору в 959 г. сообщили, что она крестилась при «императоре Романе» [9, с. 44–49]. П.В. Кузенков предложил отождествлять его с более известным Романом I (920–944), что противоречит, однако, вышеописанной хронологии событий. Поэтому скорее речь идет о Романе II (959–963), который, действительно, был коронован еще до 946 г. и в царствование которого известие о крещении Ольги попало в Германию [10, с. 154]. Интересно, что датировка крещения Ольги правлением Романа II встречается и в поздних русских Хронографах и летописях [19, т. 22.1, с. 359; т. 31, с. 39–40].

Важно отметить, что в летописном рассказе и византийских источниках речь идет об одних и тех же событиях. Трактат «О церемониях» говорит о переговорах Ольги с императором, но молчит о крещении, так как оно не было частью церемониала приема послов, тогда как Скилица упоминает политически самый значимый для византийцев результат поездки русской княгини – ее крещение. В летописном же рассказе сообщается и о крещении Ольги, и о ее переговорах с византийцами, продолжившихся в Киеве. Однако суть переговоров в самом Царьграде представлена в летописи весьма специфично, а имя ведущего их императора различается.

2. *Внутренняя хронология летописного рассказа.* Чтобы разобраться в данной проблеме, следует вначале коснуться вопроса о разделении летописного рассказа о переговорах Ольги с императором на ранний и поздний слои. А.А. Шахматов [24, с. 112–114]

и его последователи [20, с. 442] предполагали, что к раннему слою относится история крещения Ольги и двух ее бесед с патриархом, а сюжетная линия императора (сватовство и посольство в Киев) вставлены составителем НС. Противоположную позицию убедительно обосновали А.Г. Кузьмин [12, с. 334–341], Л. Мюллер [16, с. 46–47], А.А. Гиппиус [7, note 38] и С.М. Михеев [15, с. 107], которые отнесли к раннему слою сюжеты с императором, а к позднему – с патриархом. После удаления «церковных» вставок рассказ о посольстве Ольги выглядит следующим образом (по С.М. Михееву [15, с. 219]):

В лѣто 6463-е иде Олга во греки и прииде Цесарюграду. И бѣ тогда цесарь именемъ [Ц]емьскыи; они же повѣдаша цесарю приходъ ея; и абие цесарь возва ю к собѣ; она же иде к нему, ничто же медлящи. И видѣвъ ю цесарь зѣло добру сушу лицом и смыслену въ премудрости, удививъ же ся цесарь разуму ея, и паки, бесѣдовавши, рече к неи: «Подобна еси с нами царствовати въ градѣ сем». Она же, разумѣвши, рече ко цесарю: «Азъ погана есмь; да аще мя хоцещи крестити, то крести мя самъ; аще ли сего не сотвориши, то не имамъ креститися». [И крести ю цесарь и рече ей]: «Хошу ты поняти себѣ женою». Она же рече: «Како хоцещи мя поняти, крестивъ мя сам и нарекъ мя себѣ дщерью? А въ крестиянѣх сего нѣсть закона, а ты, цесарю, самъ вѣси». И рече цесарь прѣдстоящимъ ту велможамъ своимъ: «[Переключкала] мя Олга словесы своими». Бѣ же она мудра словесы. Цесарь же паки [Ц]емьскыи, слышавши глаголы ея, дасть ей дары многы: злато и серебро и паволокы и съсуды разньоличныя, и абие цесарь отпусти ю, нарекъ себѣ дщерью. [Она же приде Киеву, и присла к неи цесарь гречьскыи], глаголя сице, яко «много одарих тя, ты бо ми рекла еси тако, яко «аще възращуся в русь, и многы дары пришлю ти: челядь и воскъ и скору и вои в помощь». И отвѣщавши же Олга, и рече къ [сломъ]: «Аще ты сице глаголеши от Чемьскаго цесаря, рци ему: «Тако пришедши, постоиши у мене в Почаинѣ, якоже и азъ у тебе въ Съсуду стоявши, то тогда ти дамъ». И сиа паки словеса глаголавши много, и абие отпусти приходящая послове къ царьскому граду.

На наш взгляд, один важный аргумент в этой дискуссии оказался не учтен исследователями. Речь идет о самой сюжетной основе истории со сватовством императора к Ольге, которая просит его прежде крестить ее, а после крещения указывает, что крестный отец женщины не может быть по канонам ее му-

жем. Практически всеми учеными эта история рассматривается как легендарно-фольклорная, входящая в серию рассказов о мудрости Ольги (и потому не подвергается историческому анализу). Так, недавно Д.С. Глебова [8] попыталась увидеть в этом сюжете пример *josa monachorum*, аналогичный загадке из «Беседы трех святителей»: «Внукъ рече бабѣ своей: Положи мя у себе. И рече баба: Как хочю положити тя, а ты мнѣ отець? Ответ: Баба естъ земля, а внуокъ Христос». Однако при внешнем сходстве механизма обмена репликами (причем следует учитывать возможность влияния одного текста на другой), суть сюжетов совершенно различна: загадка из «Беседы» построена на метафоре, тогда как «благой обман» Ольги – на хитрой игре по одним и тем же правилам. В основе рассказа о неудачном сватовстве императора к Ольге, как и многих аналогичных фольклорных историй, лежит мотив мудрой женщины, которая хитростью избегает того, что ей навязывается (как и требований императорских послов в конце рассказа, хотя тут ее хитрость менее обоснована, видимо, из-за выпадения эпизода с промедлением приема Ольги императором в его начале). Более того, этот рассказ продолжает тему отказа Ольги от нового брака после смерти Игоря, причем также хитростью [30, S. 788].

На первый взгляд, «фольклорный» рассказ о сватовстве императора к Ольге не просто неисторичен, а даже антиисторичен: для его автора, основывающего весь сюжет на теме брачного и духовного родства, кажется нормальным, что русской княгине может предлагать брак византийский император, у которого вообще-то должна быть супруга. Ученые обычно обходят эту проблему молчанием, либо, в крайнем случае, ограничиваются ссылкой на то, что Константин VII был женат [30, S. 788]. Исключение представляют два исследователя, предполагавшие реальность такого матримониального проекта. Ж.-П. Ариньон [1] считал, что в рассказе содержится отголосок реального сватовства, правда, предпринятого по русской инициативе, а затем переосмысленного в положительную для Руси сторону. О.М. Рапов [18, с. 158–160] предположил, что неженатым императором легенды был Роман I Лакапин, овдовевший в 937 г. и правивший до декабря 944 г., и потому предложил датировать

944 г. (хотя Игорь умер, по летописи, в 945/6 г.) визит Ольги в Константинополь и сватовство к ней василевса (которому тогда было, заметим, около 74 (!) лет и который уже выдал замуж свою внучку). Очевидно, что обе эти гипотезы не только не находят никакой опоры в источниках, но даже противоречат им.

Но означает ли отсутствие удачных истолкований данной проблемы то, что перед нами чистая фантазия древнерусского книжника, полностью игнорирующая исторические реалии? Ведь исследователи неоднократно указывали на то, что в основе сюжета данной легенды лежит не просто осведомленность в церковных канонах (понятная для русского книжника-монаха), но знакомство с реальной проблемой согласования семейного и духовного родства в царствующих семьях. Так, Ф. Батлер [25] перечислил ряд случаев применения в политических целях правил об их несовместимости. Более того, А.Ю. Карпов [10, с. 206] указал, что аналогичный скандал имел место как раз в середине X в., когда состоялся визит Ольги в Царьград: женившийся в 963 г. на вдове предыдущего императора узурпатор Никифор I Фока был обвинен в том, что стал до того восприемником ее детей (или одного из ее сыновей), так что был отлучен патриархом от причастия, вынужден созывать собор в свою защиту и договариваться с первоиерархом, как о том сообщают Лев Диакон (История 3, 9) и Иоанн Скилица (Обозрение истории 14, 2), причем это обвинение повторялось и на Западе, как свидетельствует Лиутпранд Кремонский (Посольство в Константинополь, гл. 41).

Таким образом, летописный рассказ об императоре и Ольге оказывается тесно вписан в контекст византийской политической истории середины X века. Но как согласовать это знание византийских реалий с ключевой пружиной сюжета – сватовством императора? И тут на помощь нам приходит текстология, а именно имя сватающегося императора в летописях. Если в части списков ПВЛ: Ипатьевском (И), Хлебниковском (Х), Радзивилловском (Р) и Академическом (А) в начале рассказа упоминается «Костянтинъ, сынъ Леон(т)овъ», то в других древних текстах – «Цемьский» (Лаврентьевский (Л) и Троицкий (Т) списки ПВЛ и связанный с ними Пролог) или

«Чемьский» (НЛМл и НК1, отражающие НС), причем он назван так и в конце рассказа, где в остальных списках ПВЛ имя императора опущено. Традиционно первый вариант считался оригинальным, так как он согласуется со сведениями трактата «О церемониях» о визите Ольги в Константинополь именно при Константине VII. Однако в настоящее время убедительно показано, что первоначально в тексте рассказа об Ольге стояло именно имя Иоанна Цимисхия, что отразилось в первой редакции ПВЛ и НЛМл, восходящем здесь к НС, а имя Константина было внесено позднейшим редактором ПВЛ как более «историчное» [5, с. 78–80] (вопреки [32]).

И, как оказывается, этот факт прекрасно согласуется с сюжетом летописного рассказа. Ведь именно Иоанн Цимисхий был одним из немногих византийских императоров, который правил некоторое время неженатым. Овдовев еще до восшествия на престол, он женился вторично, уже будучи императором, но только через год после восшествия на престол – в ноябре 970 г., как сообщают Лев Диакон (История 7, 9) и Иоанн Скилица (Обозрение истории 15, 8). В этом он подражал своему предшественнику Никифору Фоке, который женился – правда, уже через месяц после воцарения – для легитимации своей власти на вдове Романа II Феофано и попал, как мы видели, в скандал с духовным родством с ней. Впрочем, Иоанн, выбравший себе в супруги сестру Романа Феодору, также не избежал некоторого конфуза, ибо та еще в 959 г. была пострижена в монахини (правда, по политическим причинам, и отказывалась признавать это после смерти Романа, как уточняет Иоанн Скилица (Обозрение истории 12, 9)). Таким образом, летописный сюжет с неженатым императором тоже оказывается вполне соответствующим византийским реалиям, а именно ситуации декабря 969 – октября 970 г. (что не говорит, конечно, об историчности самого сватовства).

Следовательно, создатель летописного рассказа о поездке Ольги в Константинополь относил ее к началу правления Иоанна Цимисхия (969–970 гг.), и его имя было в нем изначально, а не включено туда вторично, тем более, что в рассказе о войнах с ним Святослава оно не упоминалось (текст их договора был включен в летопись только редактором ПВЛ) [5,

с. 80], – и это показывает их принадлежность к разным слоям летописания. Связь сюжета о сватовстве с именем Иоанна Цимисхия (первичным для летописи) говорит о том, что именно он (а не сюжет с патриархом) и составлял основу оригинального летописного рассказа об Ольге и Константинополе. Совпадение же изначальной внутренней даты рассказа и года известия о смерти Ольги в летописи (6477 = 969 г.) говорит не о незнании автором рассказа точной хронологии византийских императоров, а о том, что тот возник еще до создания погодной сетки в русском летописании, то есть до появления там даты смерти Ольги. Но в любом случае вся константинопольская история Ольги, механически помещенная в НС и ПВЛ посередине шестнадцатилетнего отрезка пустых лет, оказывается хронологически теснее связана с рассказом о Святославе. Более того, отказ княгини в военной помощи Иоанну Цимисхию оказывается в раннем слое летописи прологом к последующим войнам Руси с империей в Болгарии. Впрочем, воцарение Цимисхия точно совпадает с летописной датировкой смерти Ольги, которая должна была подтверждать предыдущий договор, и нельзя исключать, что был еще один конфликт с возобновлением договора – между Святославом и Цимисхием, слившийся в сказании с подтверждением договора Ольгой.

3. *Ольгин крест*. Проложное сказание о св. Ольге, как убедительно показал недавно А.М. Введенский [4], датируется 1160-ми гг. и основано преимущественно на летописном «своде Андрея Боголюбского», вплоть до прямого его цитирования. Из новаций в начале оно содержит не слишком удачную вставку о княжении Святослава и риторическую похвалу мудрости Ольги, а в конце – расширенный, но также противоречивый рассказ о смерти и погребении княгини, включая ее последующее перезахоронение. Еще одна новация помещена в сцену возвращения Ольги из Константинополя: она получает там пресвитера и крест с надписью, который привозит в Киев и который, по словам автора проложного сказания, стоит в алтаре Св. Софии Киевской.

Важно отметить, что автор сказания действует здесь довольно нестандартно. Обычно авторы проложных статей добавляют к летописной основе энкомиастический материал

(как выше в сказании об Ольге или в сказании о Владимире, где в конце добавлены похвалы князю, находящие параллель в «Слове о законе и благодати»). На первый взгляд, последний текст мог быть источником и для рассказа о кресте Ольги: «Ты ж с бабою твоею Ольгою принесъши кресь от новаго Иерусалима, Константина града, и сего по всеи земли своеи поставивша» ([3, с. 48]; см. также [4]). Однако здесь автор Пролога, в отличие от Илариона и подобно летописцу (см. ниже), упоминает не абстрактный крест (стоящий по всей русской земле), но артефакт, который доказывает подлинность описываемых им событий и наличие которого может проверить любой желающий, равно как и прочесть приведенную только тут надпись. Видимо, именно этот артефакт и надпись на нем, наряду с текстом Илариона, и породили рассказ Пролога о получении княгиней креста в Царьграде. Точно так же ниже его автор добавляет к известию ПВЛ о нетленном теле Ольги упоминание о ее деревянной раке в Десятинной церкви (в «Похвале Ольги» это уже каменный саркофаг, возможно, более поздний) (см.: [17, с. 638–639]). Поэтому над загадкой «Ольгиного креста» следует задуматься серьезнее, чем над обычной выдумкой агиографа, и, разобрав возможные ответы, выбрать правильный.

Важно также, что данный пассаж содержит и восточнославянская (по всей видимости, оригинальная, под 11 июля), и южнославянская (сокращенная, под 11 июня) редакции сказания [14, с. 146–154]. Приведем их текст по изданию О.В. Лосевой [14, с. 152] (см. рисунок).

Между двумя редакциями есть несколько различий. Уже давно отмечалось, что в пользу вторичности южнославянской редакции го-

ворит вставка фразы между словами «крест» и «иже». К этому можно добавить, что в ней отсутствует упоминание пресвитера, которое, на самом деле, происходит из летописи [19, т. 1, с. 68; т. 2, с. 56; т. 3, с. 120], то есть скорее первично. Оригинальность других различий оценить сложно: крест Ольги мог находиться как справа в центральном алтаре Св. Софии Киевской, так и в одном из двух ее правых (то есть южных) алтарей, а добавление в надписи на кресте упоминания о матери Святослава вполне возможно, если крест действительно был привезен Ольгой из Константинополя: согласно трактату «О церемониях» (II, 15), ее принимали там именно как представительницу своего сына-князя.

Однако самое сложное различие содержится в тексте надписи на кресте: согласно южнославянской версии, крест был обновлен Ольгой, тогда как, согласно восточнославянской, Русская земля – крестом, полученным Ольгой. Хотя в обоих вариантах сама эпитафическая формула не характерна для надписей на древнерусских крестах, как металлических ², так и каменных ³, крест в последних выступает все же чаще объектом действия, выраженного глаголами «положити» или «поставити», в том числе и в пассиве (на крестах Святослава и чернеца Семеона), а не его субъектом (только на Суздальском и Нерльском крестах Андрея Боголюбского, где содержится, однако, цитата из «Похвалы Кресту» и где крест все равно не производит никакого действия и, тем паче, обновления). Кроме того, в древнерусской письменности глагол «обновити(ся)» применяется к таким объектам, как земля или страна, только в контексте действий Бога и означает реальное

Житие 11 июня (по Лесновскому Прологу, л. 243)	Житие 11 июля (по Прологу ГИМ Усп. № 3 перг., л. 183г—184а)
споби са ст҃адо кр҃щенна. ѿ патрир҃ха. и приѣмши ѿного (в других списках: ѿ него) кр҃ть.	и приѣмши ѿ патрир҃ха кр҃ть и про- звѣтера.
прииде въ своа землѣ.	прииде въ свою землю.
иже и ннѣ стоитъ въ Къшевѣ. въ ст҃ци Софин. въ ѿтари деснѣна странѣ.	и тѣ кр҃ть и донзѣнѣ стоитъ въ ст҃ци Софин. во ѿтари на деснѣнѣ странѣ.
имѣа писменне. ѿновиса в Роушьетви земѣ кр҃ть ѿ Ѡльгы бл҃говѣрнѣна кня- гынѣ. м҃тре Ст҃гославѣ.	имѣа писмена сице. обновиса Рѣсѣскаѣ землѣ ст҃цимъ кр҃томъ. негоже приа Олга бл҃говѣрнѣна княгини.

Рассказ о кресте в южнославянской и восточнославянской редакциях проложного сказания о св. Ольге
The story of the cross in the South Slavic and East Slavic editions of the prologue legend about St. Olga

(а не духовное) возобновление, тогда как люди могут «обновить» лишь рукотворные объекты, причем это «обновление» чаще всего связано с литургическим чином освящения храма ⁴.

Однако очевидно, что если описанный в Прологе крест действительно был привезен Ольгой, матерью Святослава, то надпись на нем могла быть лишь на греческом языке. А между тем, в контексте византийской эпиграфики глагол «обновить» (ἀνακαινίζω, ἀνανεώω) применяется также лишь к постройкам или церковным объектам ⁵. Более того, именно такая формула («обновися крест») известна в надписи 1066/7 г. на бронзовом кресте из Северного Зеленчукского храма в Нижнем Архызе [21], митрополии Алании:

Ανε-
κενή(σ)-
θη ὁ
τήμ(ι)-
ος στα-
βρό(ς)
πα-
ρά τοῦ
θεο-
φη-
λεσ-
τατ-
ου μο(να)χ(οῦ)
Θ(ω)μ(ᾶ) πρ(εσ)βυτέρου)
ἔτους ἀ(πὸ κτίσεως κόσμου?)
.ςφ-
οε',
ivδ(ικτιῶνος) ε'.

«Обновлен честной крест боголюбивейшим монахом Фомой пресвитером в год сотворения мира (?) 6575, в 5-й индикт».

Впрочем, здесь встает еще один вопрос – о значении глаголов «обновить» и ἀνακαινίζω. Последний в византийской эпиграфике может обозначать как возобновление объекта, так и – из-за схожести с глаголом ἐγκαίνισμα – его освящение ⁶. Так, в надписи на кресте из Нижнего Архыза глагол ἀνεκαινίσθη может указывать и на его освящение, и на его возобновление: процессионный бронзовый крест с отломанной ручкой был прикреплен при помощи гвоздей к стене нартекса храма ⁷. В древнерусском летописании глагол «обновить» применяется только к возобновлению зданий [19, т. 1, стб. 42–43, 411; т. 2, стб. 32, 674, 788, 845; т. 3, с. 23], однако в переводных текстах он имеет

и значение «освящать» (см.: [23, с. 512–513]). Поэтому невозможно решить однозначно, о чем шла речь на кресте Ольги: об его освящении или о его возобновлении (если это был более ранний крест или реликварий).

Итак, если оригинальна южнославянская версия надписи на кресте, а ее текст действительно был греческим, то его можно было бы легко и почти буквально (в отличие от восточнославянской версии) восстановить как две додекасиллабические строки (или три – с добавлением о «матери Святослава», см. выше), хотя, конечно, чисто гипотетически:

Ἀνεκαινίσθη ὁ σταυρὸς ἐν γῆ Ῥώσων,
παρὰ Ἑλγας (resp. Ὀλγας) τῆς εὐσεβοῦς
ἀρχοντίσσης (καὶ τῆς μητρὸς τοῦ ἀρχοντος
Σφενδοσθλάβου).

Формально текст надписи не противоречит никаким реалиям середины X в., и «крест Ольги» выглядит как крест-реликварий, какие часто привозились из Константинополя в «варварские» страны. Однако удивляет полное молчание о столь значимом для Руси объекте у киевских летописцев XI–XII вв. (авторов ПВЛ и НС). С одной стороны, они упоминают напутствие и награждение Ольги как императором, так и патриархом (где логично было бы упомянуть и данный ей крест), а с другой – охотно вводят ссылки на подтверждающие древность их рассказа известные всем артефакты (см.: [31]), причем как в отношении Ольги (ср. упоминание о ее санях и селе [19, т. 1, стб. 60; т. 2, стб. 48–49; т. 3, с. 113]), так и касательно крещения Руси (ср. отсылки к «корсунским трофеям» в Десятиной церкви и к построенной Владимиром церкви св. Иоанна Предтечи в Корсуни [19, т. 1, стб. 116; т. 2, стб. 101; т. 3, с. 155–156]). Эти обстоятельства говорят скорее в пользу появления «Ольгиного креста» после составления ПВЛ с ее подробнейшим рассказом о княгине (в «Похвале Ольги» последний появился под ее влиянием).

Однако и в случае более позднего происхождения «Ольгиного креста» возможны два варианта реконструкции событий. С одной стороны, это мог быть памятный знак первой крестительницы Руси (в пользу этого говорит отчасти и именование княгини в надписи ее привычным языческим, а не более редко употреблявшимся христианским именем). Тогда греческий текст надписи должен был создать

ощущение аутентичности креста, хотя для XII в. вполне представима себе и славянская имитация византийской надписи. Впрочем, и в таком случае получается, что некое предание о кресте, полученном Ольгой, существовало еще до составления проложного сказания в 1160-е гг. (например, на основе вышеприведенного пассажа из «Слова о законе и благодати»).

С другой стороны, за крест древней Ольги владимиристо-суздальский автор мог принять крест, вложенный в Св. Софию Киевскую другой княгиней с этим именем. Таковой могла быть, например, Ольга, дочь Юрия Владимировича Долгорукого, скорее от второго брака, вероятно, с византийской принцессой: она, к тому же, по одному из предположений, была в крещении Еленой [13, с. 150, примеч. 124] (а также сестрой Андрея Боголюбского, вероятного заказчика Пролога). Она оказалась в Южной Руси не позднее 1150 г., когда уже была женой Ярослава Осмомысла. Уподобляясь своей древней тезке, она вполне могла вложить крест в Св. Софию Киевскую, особенно в тот момент, когда киевским князем был ее отец (1149–1151, 1155–1157 гг.). Учитывая же ее вероятное византийское происхождение, вполне можно допустить, что это был привезенный из Константинополя крест с греческой надписью, прославлявшей заказчицу.

Итак, хотя «Ольгин крест», по всей видимости, действительно существовал в Св. Софии Киевской в 1160-е гг.⁸, вряд ли он был артефактом середины X в., – намного вероятней, что он возник уже в 1120–1150-х гг., либо как вклад одной из княгинь с именем Ольга, либо как прием «историзма» в сложившемся наконец нарративе о крещении Руси. В этом смысле параллель ему составляет загадочное «блюдо Ольги» в Св. Софии Константинопольской, которое видел Антоний Новгородец в 1202 г. и которое аналогичным образом связывалось с поездкой этой княгини в Царьград, причем тоже с элементом легендарности («когда взяла дань, ходивши ко Царюграду») [29, S. 232, 234].

Заключение. Итак, мы предложили реконструкцию двух эпизодов из рассказов о крещении княгини Ольги в летописях и Прологе, где-то подтвердив гипотезы наших предшественников, а где-то предложив новые.

Однако эта реконструкция позволяет уточнить и общую картину развития домонгольского предания о крещении Ольги и ее поездке в Царьград.

В самом раннем русском рассказе о поездке Ольги, содержащемся в восходящих к НС летописях и ПВЛ, ясно выделяются два слоя. Первоначальное сказание описывало поездку Ольги в Константинополь при Иоанне Цимисхии, сватовство императора, ответную просьбу Ольги о крещении им самим, вторичное предложение императора, отказ Ольги со ссылкой на каноны, признание императором ума княгини и прощание с ней, возвращение Ольги в Киев и ответное посольство императора. С одной стороны, автора этого сказания отличает хорошее знание реалий византийской политики 960-х гг. и, вероятно, сложностей при возобновлении русско-византийского договора после начала регентства Ольги (а, возможно, и после воцарения Иоанна I). Первые он мог почерпнуть из византийских хроник, как оригинальных, так и переводных: так, «поздний» брак Иоанна Цимисхия упоминается в славянском переводе продолжения «Хроники» Симеона Логофета [22, с. 152]. С другой стороны, эта поездка Ольги в Константинополь, описанная в трактате «О церемониях», происходила не при Цимисхии, но при Константине VII (по всей вероятности, в 946 г.), а сам рассказ слишком беллетризован, причем в невыигрышном для греков духе (возможно, он был вдохновлен каким-то неудачным византийско-русским матримониальным проектом середины XI в.). Таким образом, автор первоначального сказания о посольстве Ольги вставляет реальные факты (поездку Ольги в 946 г. и ее крещение), видимо, сохранявшиеся в исторической памяти Руси, в совершенно иную хронологическую рамку – рубеж 960–970-х годов. Если, по А.А. Шахматову, такое сказание принадлежало «Древнейшему своду» [24, с. 112–114], то, согласно последним исследованиям, оно должно было возникнуть в 1060-х – начале 1070-х гг. (в «Своде Никона» 1072 г., по С.М. Михееву [15, с. 107], или в «Своде 1060-х гг.», по А.А. Гиппиусу [6, с. 54, 62]), когда с момента описываемых в нем событий прошел уже век или даже более. В таком случае этот рассказ

о хитрости Ольги имитировал истории о мудрой княгине-язычнице из более древнего слоя летописания.

Вероятно, на этапе создания НС сказание, светское и беллетристическое по своему характеру, было «христианизировано» путем введения линии патриарха и его поучений, а также сравнений Ольги с героями Священного Писания. Соединение двух сюжетных линий оказалось не вполне гармоничным – так появились две сцены отъезда Ольги из Царьграда, сама история оказалась перенесена на 955 г., а уже не понятная редактору НС «внутренняя» дата посольства Ольги в древнейшем рассказе совпала с годом ее кончины в новосозданной погодной сетке. В таком виде рассказ о поездке и крещении Ольги вошел в ПВЛ. Однако при ее редактировании, отраженном семьями ИХ и РА, «неисторичный» Иоанн Цимисхий был заменен – вероятно, при помощи византийских хроник (ср. выше) – на «историчного» Константина VII, при котором Ольга на самом деле посещала Царьград и который действительно правил в 955 году.

Однако ни НС, ни ПВЛ не знают креста Ольги, стоявшего в 1160-х гг. в алтаре Св. Софии Киевской. Данный артефакт, на который ссылается, как на вещественное доказательство, автор сказания об Ольге в Прологе, возник, скорее всего, в 1120–1150-х годах. Это была, скорее всего, либо «фиксация» исторической памяти о первой крестительнице Руси, либо вклад одноименной княгини XII в. (например, дочери Юрия Долгорукого и, вероятно, византийской принцессы), уподоблявшей себя древней Ольге или даже возобновлявшей некий древний крест. Автор Пролога соединил выдержки из летописного рассказа с упоминанием креста Ольги, а также «историзовал» теперь и патриарха, ставшего под его пером Фотием, и создал таким образом не только новый нарратив о получении ею креста в Константинополе, но и основу всей дальнейшей агиографической традиции княгини.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю за ценные советы и замечания А.М. Введенского, Т.Л. Вилкул, А.А. Гиппиуса, Д.В. Каштанова, А.Ф. Литвину, П.В. Лукина, С.М. Михеева, П.С. Стефановича и Ф.Б. Успенского.

ACKNOWLEDGMENTS

I thank A.M. Vvedensky, T.L. Vilkul, A.A. Gippius, D.V. Kashtanov, A.F. Litvina, P.V. Lukin, S.M. Mikheev, P.S. Stefanovich and F.B. Uspensky for their valuable advice and comments.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ и АНФ в рамках научного проекта № 21-59-14005 «Хождения и эпиграфика: паломнические надписи, географическая мобильность и благочестие между Византией и Русью (V–XV века)».

This study was carried out within the framework of the research project “Epigraphies of Pious Travel: Pilgrims’ Inscriptions, Movement, and Devotion between Byzantium and Rus’ in the 5th – 15th Centuries C.E.” funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR no. 21-59-14005 АНФ_a).

² Крест св. Евфросинии Полоцкой (1161): «Въ лѣ[то] 6000 и 669 **покладаетъ** Офросинья чьстьныи кр(е)сть въ монастыри своемъ въ ц(е)ркви С(вя)т(о)го Сп(а)са. Чьстьное дрѣво бесцѣнно есть, а кованье его золото, и серебро, и камѣнье, и жънчигъ въ 100 гривнѣ, а др[ѣво] 40 гривнѣ. Да нѣ изнесѣтъся из монастыря никогда же, яко ни продати, ни отдати, аще се кто прѣслоушаетъ, изнесѣтъ и от монастыря, да не боуди емоу помощникъ чьстьныи кр(е)сть ни въ сѣ вѣкъ, ни въ боудущи, и да боудеть проклятъ С(вя)тоу Животворящую Троицею и с(вя)тыми отци 300 и 18 семью съборъ с(вя)тыхъ от(е)ць и боуди емоу часть съ Иудюю, иже прѣда Х(ри)с(т)а. Кто же дръзнетъ сътвори с[ие], властелинъ или князь, или пискоупъ, или игоумѣня, или инъ который любо ч(е)л(о)в(е)къ, а боуди емоу клятва си. Офросинья же раба Х(ри)с(то)ва, сътяжавъши кр(е)сть сии, приметъ вѣчную жизнь съ всѣ[м]и с[вятыми]. Г(оспод)и, помози рабоу своему Лазору, нареченому Богъши, съдѣлашему крѣсть сии цркви С(вя)таго Спаса и Офросиньи».

Хильдесхаймский крест: «Господи помози рабоу Своему Или(и) стяжавъшему хрѣсть сии въ сии векъ и въ боудоущие. Част(ь)не непрестанне людго(щ)онамъ помощниче всемъ хрѣстьяномъ аминь».

³ Их сводка была любезно предоставлена нам С.М. Михеевым.

Воймерицкий: Богоулавоу и Лазареви братья и мати Мирослава **поставили** крест Славоне делале.

Стерженский (1131): В лето 6641 месяца июля 14 день почяхъ рыти реку сю язъ Иванко Павловиць и крѣсть съ **поставихъ**.

Нерльский и Суздальский: Крест съхранникъ всѣи вселенныи, крестъ церкви божиеи украшение, крест царямъ держава, крест върнымъ утвържение, крест ангеламъ слава, крест дъмьнамъ прогонитель.

Святославов (1224): Въ лето 6732 мсца июня въ 30 днь на память стго Ио(анна) воиника **поставлен** крсть сей Стославъмъ Всеволодичемъ аминь.

Чернеца Семеона (1250): Господи спаси и помилуй раба своего Симеона грешного чернеца Оркажа монастыря. Аминь. **Поставлен** святыи крест в лето 6758 месяца августа в 15 день на память святая Богородица Успение Владычица.

Воротишин: Воротишинъ хръсть. Ги помози рабю своему Съмьнюню.

Комляты: Крест **поставихъ** Комлята г... по матери.

⁴ См.: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&ct=&mydocsize=&mode=old_rus&lang=ru&sort=i_grtagging&noaccent=1&docurl=alexandria.xml%7Cvolhynian.xml%7Ckirik%2Fkirik_voproshanie.xml%7Cgalician.xml%7Cavraamij.xml%7Candrey.xml%7Cleontij.xml%7Cusp_sb%2Ffeodosiy.xml%7Cizbornik.xml%7Cflavius.xml%7Ckiev.xml%7Cmonomax%2Fmonomax_molitva.xml%7Cnovgorod_first.xml%7Cgvnp%7Cpvl.xml%7Cturovskij_bespechnyj.xml%7Cakyr.xml%7Cmonomax%2Fmonomax_pouchenie.xml%7Cilia.xml%7Cserapion.xml%7Cturovskij_chud%7Cmelissa.xml%7Czhidovin.xml%7Cruspravda.xml%7Csof%7Cusp_sb%2Fboris-bleb-zhitiye.xml%7Cturovskij_chernoriz.xml%7Czatochenik.xml%7Cspi.xml%7Cstudite.xml%7Csuzdal.xml%7Ckirik%2Fkirik_chisla.xml%7Cantony.xml%7Cdaniel.xml%7Cusp_sb%2Froman-davidchudesaxml%7Cnikola.xml&text=lexgramm&f=fi&parent1=0&level1=0&lex1=обновити&gramm1=&meaning1=&flags1=&parent2=0&level2=0&min2=1&max2=1&lex2=&gramm2=&meaning2=&flags2=

⁵ См.: <https://epigraphy.packhum.org/search?pat=avekaiv>; <https://epigraphy.packhum.org/search?pat=avakaiv>

⁶ См.: <https://epigraphy.packhum.org/search?pat=eukaiv>

⁷ Строительная надпись другого аланского храма – Сентинского, начинается с пары ἐνεκεν[ισ]-θ(η), ἐνεώσ[θ](η) («освящен, возобновлен») [2, с. 68].

⁸ С этим крестом пытались отождествлять крест-реликварий, вывезенный из Киева в начале XV в. в монастырь доминиканцев в Люблине и похищенный оттуда в 1991 г., однако к моменту исчезновения это был реликварий XVII века.

REFERENCES

1. Arinon Zh.-P. Mezhdunarodnye otnosheniya Kievskoy Rusi v seredine X v. i kreshchenie knyagini Olgi [International Relations of Kievan Rus in the Middle of the 10th Century and the Baptism of Princess Olga]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1980, vol. 41, pp. 113-124.

2. Beletskii D.V., Vinogradov A.Iu. *Istoriya i iskusstvo khristianskoy Alanii* [The History and Art of Christian Alania]. Moscow, Taus Publ., 2019. 392 p.

3. Likhachev D.S., ed. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Old Rus’], vol. 1. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1997. 543 p.

4. Vvedenskiy A.M. Ob istochnike prolozhnogo zhitiya knyagini Olgi [On the Source of the Literary Life of Princess Olga]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekovye*, 2016, vol. 28, pp. 44-48.

5. Vvedenskiy A.M. *Syuzhety o khristianizatsii Rusi v Povesti vremennykh let i v sostave Prologa: dis. ... kand. filol. nauk* [Plots About the Christianization of Rus’ in the Tale of Bygone Years and in Prologue. Cand. phil. sc. diss.]. Moscow, 2023. 194 p.

6. Gippius A.A. Do i posle Nachalnogo svoda: rannaya letopisnaya istoriya Rusi kak obekt tekstologicheskoy rekonstruktsii [Before and After the Initial Code: The Early Chronicle History of Rus’ as an Object of Textual Reconstruction]. Makarov N.A., ed. *Rus v IX–X vv.: arkheologicheskaya panorama* [Rus in the 9th and 10th Centuries: An Archaeological Panorama]. Moscow; Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2012, pp. 37-63.

7. Gippius A.A. Rekosha drouzhina Iгореvi...: K lingvotekstologicheskoy stratifikatsii Nachalnoy letopisi [On the Linguotextological Stratification of the Primary Chronicle]. *Russian Linguistics*, 2001, vol. 25, pp. 147-181.

8. Glebova D.S. Zagadka kak narrativnyi priem v «Povesti vremennykh let»: Khazarская дан и византийский визит княгини Ольги [The Riddle as a Narrative Device in the “Tale of Bygone Years”: The Khazar Tribute and the Visit of Princess Olga to Byzantium]. *Colloquia Russica. Series I. Vol. 7. Rus’ and the World of the Nomads (The Second Half of 9th – 16th c.)*. Krakow, Nowa Strona Publ., 2017, pp. 55-62.

9. Nazarenko A.V., ed. *Zapadnoevropeiskie istochniki*. Moscow, Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2010. 512 p.

10. Karpov A. *Knyaginya Olga* [The Princess Olga]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 374 p.

11. Kuzenkov P.V. Data vizita knyagini Olgi v Konstantinopol v svete novykh dannykh: 946 g. [Date of Princess Olga’s Visit to Constantinople in the Light of New Data: 946]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 2020, vol. 104, pp. 127-149.

12. Kuzmin A.G. *Nachalnye etapy russkogo letopisaniya* [Initial Stages of the Russian Chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 394 p.

13. Litvina A.F., Uspenskiy F.B. *Vybor imeni u russkikh knyazey v X–XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz prizmu antroponimiki* [The Choice of the Name of Russian Princes in the 10th – 16th Centuries: Dynastic History Through the Prism of Anthroponymy]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 740 p.

14. Loseva O.V. *Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh prologov XII – pervoy trety XV vekov* [The Lives of Russian Saints as Part of the Old Russian Synaxaria of the 12th – The First Third of the 15th Century]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2009. 472 p.

15. Mikheev S.M. *Kto pisal «Povest vremennykh let»?* [Who Wrote the “Tale of Bygone Years?”]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 279 p.

16. Miuller L. *Ponyat Rossiyu: istoriko-kulturnye issledovaniya* [To Understand Russia: Historical and Cultural Studies]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 432 p.

17. Nazarenko A.V., eds. Olga, sv. ravnoap. [Olga, St., Equal-to-the-Apostles]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], 2018, vol. 52, pp. 636-655.

18. Likhachev D.S., Adrianovoi-Peretts V.S., eds. *Povest vremennykh let* [Tale of Bygone Years]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996. 667 p.

19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Moscow, IARK Publ., 1997. 496 p.; Vol. 2. Moscow, IARK Publ., 1998. 648 p.; Vol. 3. Moscow, IARK Publ., 2000. 720 p.; Vol. 4. Moscow, IARK Publ., 2000. 728 p.; Vol. 22.1. Saint Petersburg, Tip. Aleksandrova, 1911. 580 p.; Vol. 31. Moscow, Nauka Publ., 1968. 263 p.; Vol. 42. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2002. 221 p.

20. Rapov O.M. *Russkaya tserkov v IX – pervoy trety XII veka. Prinyatie khristianstva* [The Russian Church in the 9th – The First Third of the 12th Century. Acceptance of Christianity]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 1998. 443 p.

21. Skrzhinskaya E.Ch. *Grecheskaya nadpis iz srednevekovoy Alanii (Severnnyy Kavkaz)* [Greek

Inscription from Medieval Alania (North Caucasus)]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1961, vol. 21, pp. 119-126.

22. «*Simeona metafrasta i logotheta spisanie mira ot bytiia i letovnik sobran ot razlichnykh letopisets*»: *Slavyanskiy perevod khroniki Simeona Logofeta s dopolneniyami* [Slavonic Translation of the Chronicle of Simeon the Logothete with Additions]. Saint Petersburg, s.n., 1905. XVI, 641 p.

23. *Slovar russkogo yazyka XI–XIV vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 14th Centuries]. Vol. 5. Moscow, s.n., 2002. 647 p.

24. Shakhmatov A. A. *Razyskaniya o drevneyshikh russkikh letopisnykh svodakh* [Researches on the Oldest Russian Chronical Codes]. Saint Petersburg, Tip. Aleksandrova, 1908. XX, 687 p.

25. Butler F. Ol’ga’s Conversion and the Construction of Chronicle Narrative. *Russian Review*, 2008, vol. 67.2, pp. 230-242.

26. Flusin B. Remarques sur la date de rédaction du De cerimoniis. Caseau B., Prigent V., Sopracasa A., eds. *Ou dōron eimi tas graphas blepōn noei: mélanges Jean-Claude Cheynet*. Paris, Editions E. de Boccard, 2017, pp. 151-168. (Travaux et memoirs; 21.1).

27. Guimon T. *Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective*. Leiden, Brill, 2021. XV, 477 p.

28. Thurn I., ed. *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum*. Berlin; New York, DeGruyter, 1973. LVI, 580 p.

29. Jouravel A. *Die Kniga Palomnik des Antonij von Novgorod*. Wiesbaden, Reichert, 2019. XV, 399 p. (Imagines Medii Aevi; 476).

30. Müller L. Die Erzählung der “Nestorchronik” über die Taufe Ol’gas im Jahre 954/955. *Zeitschrift für Slawistik*, 1988, vol. 33/6, pp. 785-796.

31. Oring E. Legendry and the Rhetoric of Truth. *Journal of American Folklore*, 2008, vol. 121 (480), pp. 127-166.

32. Vilkul T. Two Emperors of the Princess Olga’s Visit to Constantinople: Constantine VII Porphyrogenitos versus John Tzimiskes in the Copies of the Rus’ Primary Chronicle. Torres Prieto S., Franklin A., eds. *Medieval Rus’ and Early Modern Russia: Texts and Contexts*. New York, Routledge, 2023, pp. 88-102.

Information About the Author

Andrey Yu. Vinogradov, Candidate of Sciences (History), Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Centre for Medieval Studies, HSE University, Staraya Basmannaya St, 21/4, Bld. 3, 105066 Moscow, Russian Federation, auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>

Информация об авторе

Андрей Юрьевич Виноградов, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий Лабораторией медиевистических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3, 105066 г. Москва, Российская Федерация, auvinogradov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9516-6534>